

ЧАСТЬ II

Глава 6

ДЕЛО МЯСОЕДОВА

*Введение. — Не виновен! — Ростопчинский самосуд. — Кое-какие легенды. —
Значение событий.*

§ 1. Введение.

Поражения, которые терпели русские войска на Северо-Западном фронте в январе 1915 года, изводили Ставку. Говорили, что главнокомандующий в бешенстве. Командующему Десятой армией Сиверсу и начальнику штаба барону Будбергу угрожали военным судом. Шпионов видели повсюду; эта мания обуяла даже солдат. Незадолго до Пасхи, 20 марта 1915 года, Ставка объявила о казни некоего полковника Мясоедова. Он якобы передавал немцам важные сведения, и это привело к недавнему отступлению. Судопроизводство велось тайно, и Мясоедов был казнен в ночь вынесения приговора. Дело Мясоедова представляет большой исторический интерес не только далеко идущими политическими последствиями, которое оно имело, оно дает представление о настроениях, охвативших страну к весне 1915 года. Фактически, по значению в последующем падении царского режима, как пишет генерал Спиридович, дело Мясоедова можно сравнить только с убийством Распутина¹.

В 1912 году С.Н. Мясоедов, жандармский офицер, дрался на дуэли с Гучковым, обвинившим его в шпионаже в пользу Австрии. Это дело привлекло внимание общественности, но Мясоедова к суду не привлекли, а лишь попросили уйти в отставку. В 1914 году, во время объявления мобилизации, Мясоедов, как отставной офицер, был призван в ополчение и служил в какой-то дружине в глубине России. Оттуда он написал письмо генералу Сухомлинову с просьбой назначить его на фронт. Сухомлинов дал ему рекомендательное письмо к командующему злополучной Десятой армии генералу Сиверсу. Сивере поручил ему агентурную разведку. 18 февраля 1915 года Мясоедов был арестован в Ковно, отправлен в Варшавскую крепость и по постановлению военного суда повешен там же 17 марта.

Сообщение об этой беспрецедентной шпионской афере потрясло общественное мнение. Хотя Гучков, демонстративно устранившись, и не принимал участия в судопроизводстве, вся читающая публика помнила о его конфликте с Мясоедовым и

Сухомлиновым в 1912 году, и теперь поза провидца не требовала от него никаких усилий.

Для Сухомлинова приговор Мясоедову был *coup de grève*. Он принял удар без сопротивления, вместе со всеми поносил своего бывшего протеже, но дух его был сломлен, и до самого ухода в отставку, 16 июня 1915 года, Сухомлинов так и не обрел прежней уверенности.

§ 2. Не виновен!

Сомнения в виновности Мясоедова возникали уже во время суда над ним. Один из привлекавшихся свидетелей описал свои впечатления². Он совершенно ясно видел если и не невиновность Мясоедова, то во всяком случае вопиющие нарушения судопроизводства. Сомневался в беспристрастности суда и великий князь Андрей Владимирович³. Из переписки начальника штаба Ставки генерала Янушкевича с Сухомлиновым тоже с полной очевидностью вытекает, что в вынесении смертного приговора и немедленном приведении его в исполнение суд испытывал сильнейший нажим Ставки⁴. Еще доказательнее мемуары известного еврейского адвоката О.О. Грузенберга, выступавшего защитником многих лиц, обвиненных в пособничестве Мясоедову⁵. Это свидетельство особенно ценно, ибо Грузенберг, благодаря его собственной практике, знал о конфликте между Мясоедовым и тайной полицией, произошедшем в 1907 г. Масса сведений о суде над Мясоедовым содержится в мемуарах Сухомлинова⁶. Они основаны на личном ознакомлении с делом, однако к ним следует относиться осмотрительно, так как в августе 1917 года, когда судили самого Сухомлинова, связь с Мясоедовым инкриминировалась ему прежде всего. Тем не менее знаменательно, что Сухомлинов, который в 1915 году был убежден в виновности Мясоедова, изменил мнение, после того как сам изучил материалы суда.

Граф Коковцов в своих мемуарах тоже признает, что измена Мясоедова не была доказана⁷. Он, однако, утешается тем, что Мясоедов был уличенным и сознавшимся мародером. Генерал Спиридович уверен в невиновности Мясоедова, подводя итог всему делу в своих собственных воспоминаниях⁸.

В документах германского министерства иностранных дел не упоминается о контактах между немцами, австрийцами и Мясоедовым. Немецкий источник, В. Николаи, знаменитый шпион Первой мировой войны, называет дело Мясоедова «необъяснимым»⁹. В книге о шпионаже времен Первой мировой войны он пишет:

«Приговор, подобно многим другим, вынесенным по сходным обвинениям, является судебной ошибкой. Мясоедов никогда не оказывал никаких услуг Германии». Подчиненный Николаи, лейтенант Баурмайстер, в июне 1915 года заочно приговоренный военным судом в Варшаве к смертной казни в качестве немецкого сообщника Мясоедова, подтверждает слова своего начальника: «Полковник Николаи, мой начальник в то время, пишет в своих «Тайных Силах», что Мясоедов никогда не работал для нас и был казнен невиновным. Как человек, которому приписывают связь с этим делом о шпионаже, я могу лишь полностью подтвердить заверения моего бывшего начальника. Я никогда в жизни не обменялся ни единым словом с полковником Мясоедовым и никогда не сносился с ним через третьих лиц»¹⁰. Если бы связь между Мясоедовым и Баурмайстером действительно существовала, трудно представить себе, зачем ему понадобилось лгать, когда война уже кончилась и Мясоедов давно был казнен.

Несмотря на все эти свидетельства, историки не были расположены исследовать тайну суда над Мясоедовым. Приходится удивляться тому, что единственный подробный опубликованный отчет не получил должного внимания. В числе лиц, так или иначе обвиненных в пособничестве Мясоедову, было должностное лицо министерства внутренних дел О.Г. Фрейнат. Это был опытный юрист и бывший помощник прокурора. Его арестовали в числе многих других, включая жену Мясоедова, и судили 15 и 16 июня 1915 года военным судом в той же крепости, в которой был повешен Мясоедов. Тогда он был оправдан, но, наряду с другими лицами, оставался в заключении до вторичного суда в Двинском военно-окружном суде, заседавшем в Вильне 8–12 июля 1915 года. На этот раз его приговорили к каторжным работам и в цепях привезли в тюрьму города Орла. Он с замечательной настойчивостью требовал пересмотра судебного дела, указывая на чудовищные процедурные ошибки. Незадолго до революции ему удалось получить даже отпуск, для того, чтобы подать апелляционную жалобу, зимой 1917 года он добился, чтобы копия мясоедовского дела была послана в Орел, что, вероятно, спасло этот документ от огня в февральские дни. После революции Фрейнат опубликовал подробный отчет о суде над Мясоедовым и теми, кто был обвинен вместе с ним¹¹.

Фрейната нельзя считать беспристрастным свидетелем, потому что он сам был жертвой приговора, который называет судебной ошибкой. И все же его рассказ очень последователен и сдержан по тону. Кроме того, он приводит кое-какие документы, полученные им, вероятно, при подготовке апелляции.

По всей вероятности, наиболее убедительный довод в пользу невиновности Мясоедова — это мемуары Гучкова¹². Возвращаясь к инциденту 1912 года, Гучков ни слова не говорит о шпионаже в пользу Австрии, он просто называет Мясоедова «шпион», имея в виду, что этот жандарм занимался под руководством Сухомлинова политической слежкой за армейскими офицерами. Это, разумеется, несколько инфантильное употребление слова «шпион». Потом Гучков упоминает о суде над Мясоедовым в 1915 году, осторожно замечая, что он не вполне уверен в обоснованности обвинений.

§ 3. Ростопчинский самосуд.

Дело Мясоедова все еще ждет подробного изучения. Здесь мы можем дать только общий его очерк¹³.

Мясоедов был, по-видимому, обречен стать жертвой политической системы, которой верно служил. Его несчастья начались задолго до ужасного обвинения в измене. После неровной службы в армии, он с 1894 по 1907 год служил жандармом на пограничной станции Вержболово. В конце 1907 года его вызвали в качестве свидетеля на суд по делу о контрабанде. Речь шла о нелегальном ввозе подрывной политической литературы и оружия. При допросе, который вел защитник обвиняемого О. Грузенберг, Мясоедов признался, что тайная полиция, охрана, (которая вместе с жандармерией несла ответственность за внутреннюю безопасность), часто подсовывает политические прокламации и оружие лицам, которых хочет скомпрометировать. В результате этого показания судебное дело было прекращено, и гнев охраны положил начало всем бедам Мясоедова. Компрометирующие официальные тайны Мясоедов выдал по настоянию суда. Однако охрана была в такой ярости, что требовала его отставки. Поэтому ему пришлось уйти из жандармерии.

Впоследствии его восстановили, и военный министр Сухомлинов назначил его на особую должность, связанную с контрразведкой и наблюдением за настроениями и благонадежностью офицеров. В 1912 году военному министру показали анонимный донос, который обвинял его помощника, генерала Поливанова, в передаче австрийскому послу секретных сведений, касающихся русской армии. Как пишет Сухомлинов, документ обнаруживал хорошую осведомленность о секретных досье военного министерства, что указывало на утечку информации.

Сухомлинов распорядился провести расследование, касающееся, разумеется, не Поливанова, а обстоятельств, при которых мог быть написан анонимный донос¹⁴. Он

сказал Поливанову, что поручил это дело Мясоедову. Вскоре после этого друг Поливанова, А.И. Гучков, начал кампанию в прессе и в Думе, инсинуируя, что с тех пор, как Мясоедов был назначен военным министерством офицером разведки, австрийские власти стали получать больше секретной информации. Мясоедов вызвал Гучкова на дуэль, которая действительно состоялась. По словам Гучкова, Мясоедов стрелял в него, тогда как Гучков выстрелил в воздух. Противники разошлись не примирившись, дуэль получила широкую огласку. В результате Мясоедов опять должен был уйти из жандармерии, но следствие, назначенное в связи с выдвинутыми против него обвинениями, окончилось полным оправданием обвиняемого¹⁵. Часто отмечалось, что раз Гучков принял вызов Мясоедова, значит на самом деле он не мог верить истории с изменой. Изменник автоматически лишался права защищать свою честь «у барьера».

О скандале донесли государю, и это содействовало увольнению Поливанова с поста помощника военного министра и назначению его в Государственный Совет. В связи с выпадами прессы Мясоедов возбудил дело о клевете. Дело было прекращено в начале войны — произошло примирение Мясоедова и издателя газеты Бориса Суворина.

Как только началась война, Мясоедов подал прошение о зачислении на военную службу и просил Сухомлинова найти ему место на фронте. Он получил назначение в Десятую армию. В конце января 1915 года Десятая армия понесла тяжелое поражение. Двадцатый корпус был почти полностью уничтожен. В начале февраля, под предлогом организации разведки в тылу неприятеля, Мясоедова перевели в Ковенскую крепость. На самом деле его уже подозревали в шпионаже, и его секретарь Дистергоф был приставлен следить за ним.

Подозрения против него возникли, когда некий младший лейтенант Г. Колаковский, взятый в плен немцами в начале войны, явился в русское консульство в Стокгольме и заявил, что бежал он из лагеря военнопленных для отвода глаз, а на самом деле немцы выпустили его для организации саботажа и шпионажа за линией фронта и даже убийства Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Когда от него потребовали подробностей немецкого инструктажа, Колаковский сказал, что с ним должен был снестись полковник Мясоедов, который уже давно работает на немцев. При последующем допросе Колаковский запутался. Сначала он говорил, что впервые услышал о Мясоедове от немцев, но потом признался, что прочел это имя в газетах, в связи со скандалом, который произошел между Гучковым и Мясоедовым в 1912 году. Поэтому рассказу Колаковского не поверили, его выслали на

восток России и свидетелем на суд не вызывали. Однако к расследованию дела Мясоедова приступили, и генералы контрразведки, Батюшин и М.Д. Бонч-Бруевич, настаивали на аресте Мясоедова. Ставка была весьма расположена объяснить разгром Десятой армии изменой. Генерал Янушкевич и сам великий князь легко поверили донесению контрразведки. 18 февраля Мясоедов был арестован и переведен для расследования в Варшавскую крепость.

Хотя контрразведка утверждала, что Мясоедов связан с широкой сетью шпионов и изменников, Ставка распорядилась судить его отдельно и без промедления. Военный суд собрался в Варшаве 17 марта, заседание длилось целый день. Судопроизводство было упрощенное: не было ни государственного прокурора, ни защитника обвиняемого. Вызвали только двух свидетелей — упоминавшегося уже Дистергофа, который следил за Мясоедовым, и капитана Бучинского, который впоследствии опубликовал разоблачающее свидетельство очевидца суда. Несмотря на то, что ни один из свидетелей не мог дать никаких реальных доказательств контактов Мясоедова с немцами, он был признан виновным по трем пунктам обвинения: шпионаж в пользу австрийцев до войны; сбор сведений о расположении русских войск в 1915 году и передача их неприятелю; мародерство на территории врага. Два пункта обвинения, касающиеся реальной передачи военных сведений врагу во время войны, должны быть отброшены за неимением доказательств. Выслушав приговор, Мясоедов попросил разрешения послать телеграмму царю и семье, и затем потерял сознание. Телеграммы, в которых Мясоедов утверждал, что невиновен, и просил родных смыть позор с его имени, так и не были отправлены, их подшили к делу. Казнь совершилась в ту же ночь после неудавшейся попытки Мясоедова покончить с собой.

Мало что можно сказать о трех пунктах обвинительного акта. Вопрос о шпионаже в пользу австрийцев до войны не мог быть должным образом расследован военным судом такого типа. Утверждение о собирании информации о расположении русских войск основывалось на показаниях капитана Бучинского, вполне ясно заявившего, что расспросы Мясоедова во время посещения фронта показались ему вполне безобидными. Что касается грабежа, то Мясоедов искренне сознался в том, что взял кое-какие малоценные «трофеи» из дома в Восточной Пруссии. На суде упоминалось о двух терракотовых статуэтках. Случаи мелкой кражи были в то время обычны для всех воюющих армий, и хотя они и были противозаконны, но не могли считаться достаточной причиной для дисциплинарного взыскания, не говоря уж о смертной казни.

И Бучинский, и Грузенберг пытались впоследствии дознаться, были ли хоть какие-нибудь основания у этого беспрецедентного дела. Все военные юридические власти, включая главного военного прокурора А.С. Макаренко, признали, что ни малейших реальных доказательств виновности обвиняемого не имелось. Но начальник штаба Ставки генерал Янушкевич уверял, что располагает несомненными доказательствами виновности Мясоедова. Почему же, встает вопрос, этот материал не был предоставлен суду?

Не было никаких оснований и для поспешной казни осужденного. Особенно если учесть, что ему приписывали связь с другими шпионами, и значит он был ценен для контрразведки как источник информации. Но Янушкевич утверждал, что немедленная казнь была необходима, чтобы успокоить общественное мнение¹⁶.

Письма Янушкевича и свидетельство Бучинского не оставляют сомнений: казнь Мясоедова мало имела отношения к отправлению правосудия. Все это скорее напоминает описанный Л. Толстым ростопчинский самосуд, расправу над Верещагиным, которого заподозрили в шпионстве.

Ставка, подстрекаемая контрразведкой, ухватилась за Мясоедова как за козла отпущения — чтобы объяснить поражения на фронте. С казнью поторопились — чтобы успокоить общественное мнение. Выбор был сделан весьма ловко: у Мясоедова были враги и в тайной полиции, и среди думских либералов. Можно было вполне рассчитывать, что при царивших в то время настроениях никто не поднимет голоса в защиту этого несчастного жандармского офицера. «Измена» очень устраивала Янушкевича и великого князя Николая Николаевича в качестве причины неудач армии, которой они командовали.

Одновременно с арестом Мясоедова провели облаву по всей России. Арестовали жену Мясоедова, арестовали состоявшее главным образом из евреев правление пароходной компании, членом которого был Мясоедов, арестовали множество лиц, имевших деловые или вовсе случайные контакты с Мясоедовым, в том числе Фрейната. Многих освободили до суда. Впрочем, и выслали многих на восток ради предосторожности. Подлежавших суду судили дважды. После первого суда всех приговоренных к смертной казни казнили, а остальных судили второй раз. И выносили новые приговоры — к смертной казни, к тюремному заключению. Ведение всего этого дела отличалось многочисленными и грубыми нарушениями обычных правовых норм.

§ 4. Кое-какие легенды.

Генерал М.Д. Бонч-Бруевич (брат Владимира Бонч-Бруевича, друга Ленина), в 1915 году начальник штаба генерала Рузского на Северо-Западном фронте, пишет в своих воспоминаниях, опубликованных в 1957 году, что в деле Мясоедова он «сыграл довольно решающую роль». Генерал придавал (или делал вид, что придает) большое значение немецкому шпионажу и его гибельным последствиям:

Тайная война [против германского шпионажа], которая велась параллельно с открытой войной, была известна лишь немногим. Органы, которые вели эту тайную войну, работали строго конспиративно. Благодаря моему официальному положению, я имел постоянный доступ к этим тайнам и волей-неволей наблюдал обстоятельства, о наличии которых другие лишь подозревали. Я видел, как с первых дней войны германская и австрийская службы разведки с ужасающей безнаказанностью чувствовали себя хозяевами в наших высочайших органах управления, что в значительной степени содействовало моему разочарованию в старом режиме¹⁷.

Может быть у охваченного шпиономанией генерала виновность Мясоедова и не вызывала сомнений, однако повествуя, на чем строились обвинения, Бонч-Бруевич бессовестно лжет. Он сообщает, что приставил к Мясоедову двух офицеров — шофера и механика. Оба притворялись простыми солдатами. По словам Бонч-Бруевича, они арестовали Мясоедова на ферме, в тот самый момент, когда последний передавал немцу-хозяину секретные документы.

Бывшего жандарма посадили в автомобиль и отвезли в штаб фронта. В штабе к Мясоедову вернулась прежняя наглость, и он пытался отрицать то, что было совершенно очевидным.

Рассказ Бонч-Бруевича противоречит всем остальным показаниям. И речи не было о том, что Мясоедов пойман с поличными¹⁸. Бонч-Бруевич говорит, далее, что внимательно следил за расследованием, хотя лично обвиняемого не допрашивал. Кроме того, он присовокупляет следующее замечание:

После казни его при дворе и в штабах пошли инспирированные германским генеральным штабом разговоры о том, что все это дело якобы нарочно раздуто, лишь бы свалить Сухомлинова¹⁹.

Ссылка на «пущенные германским генеральным штабом разговоры», конечно, абсурдна. Но Бонч-Бруевич сам признает, что великий князь занял в отношении

Сухомлинова непримиримую позицию и потому не препятствовал разоблачению Мясоедова. Наконец, Бонч-Бруевич сообщает, что успешное ведение мясоедовского дела обеспечило ему, Бонч-Бруевичу, назначение начальником всей контрразведывательной службы армии²⁰.

Если для историков и мемуаристов эмиграции постепенно стала всплывать возможность юридической ошибки и даже намеренного обмана в деле Мясоедова, то у советских и иностранных авторов легенда об измене оказалась очень живучей. Так, в книге сэра Бернарда Пареса о падении монархии (она написана более двадцати лет спустя после событий) легенда эта находит авторитетную поддержку. Хотя автор и не ссылается на Гучкова, ясно, что наиболее экстравагантные подробности он почерпнул именно из этого источника, ибо сэр Бернард утверждает, что последующие события полностью подтвердили разоблачение, которое Гучков сделал в 1912 году.

Позднее выяснилось, что старый враг Гучкова, полковник Мясоедов, занимавший в то время высокий пост в русской разведывательной службе, на самом деле был платным немецким шпионом, наладившим регулярную аэропланную [sic!] связь с неприятелем²¹.

Более того, Парес утверждает даже, что

Мясоедову не было оправдания, говорили, что он сознался, сказав, что только торжество Германии может спасти русское самодержавие. Несмотря на высокие связи, Мясоедов был повешен 10 марта как изменник.

Все в этой цитате, включая неверную дату, есть памятник беспечности, с которой на Западе пишется история русской революции.

§ 5. Значение событий.

Политическое значение дела Мясоедова было огромно. Впервые русское общественное мнение как бы получило официальное подтверждение немецкого влияния в высоких правительственных кругах. Позиция Гучкова по видимости полностью оправдывалась. Все было подготовлено для решительного выражения недоверия правительству. В течение некоторого времени кризис сосредотачивался на Сухомлинове. После отставки Сухомлинова (июнь 1915 года) царь, не сомневавшийся в его честности и верной службе, должен был уступить общественному мнению и назначить особое следствие по его делу. За следствие взялись довольно энергично, в

нем принимала участие служба контрразведки. Некоторое время Сухомлинов просидел в Петропавловской крепости, но по причине нездоровья был вскоре выпущен на поруки. Когда выяснилось, что его освободили по настоянию императрицы, снова поползли слухи о ее прогерманских симпатиях. Временное правительство назначило новое следствие по делу Сухомлинова, но его достоинства и недостатки следует рассматривать отдельно. Необходимо, однако, помнить, что Временное правительство и его министерство юстиции, занимаясь расследованием злоупотреблений царской власти, никогда не упоминали о деле Мясоедова, хотя в нем можно было найти множество примеров произвола и злоупотреблений, допускавшихся администрацией и военными судами. Очевидно, виновность Мясоедова умышленно считали не требующей доказательств, чтобы без помех осудить Сухомлинова и тем самым утвердить легенду о германофильстве высших сфер. Возможно, Временное правительство покровительствовало генералам, которые потворствовали юридическому убийству Мясоедова и его «сообщников». Правда о деле Мясоедова могла повредить не только репутации Гучкова, первого военного министра Временного правительства, но и репутации его друга Поливанова, незаменимого на посту председателя комитета по реформе армии, а в прошлом горячего поборника легенды о виновности Мясоедова²².

Сухомлинов сразу понял, что обвинение Мясоедова создает серьезную опасность для него самого. Но начальник штаба великого князя Янушкевич ясно дал ему понять, что у Ставки есть непреложные доказательства вины Мясоедова и что с ним поступят по заслугам. В переписке с Янушкевичем Сухомлинов не только ни разу не вступился за несчастного полковника, наоборот, он старался убедить Янушкевича, что сам стал жертвой «этого негодяя», отплатившего ему черной неблагодарностью. Как мы знаем, в 1917 году, когда судили самого Сухомлинова, ему дали ознакомиться с материалами суда над Мясоедовым, и в своих воспоминаниях Сухомлинов говорит, что эти документы убедили его в невинности Мясоедова. Но весной 1915 года Сухомлинов всего только предупредил Янушкевича, что Гучков с князем Андрониковым размазывают мясоедовскую историю, чтобы очернить военного министра. Ответ Янушкевича не только не успокаивал, а еще пуще бередил раны. Вести о суде над изменником Янушкевич соединил с резкими жалобами на нехватку оружия и боеприпасов, а тут уж ответчиком, в конце концов, был сам Сухомлинов.

В этой игре в кошки-мышки Сухомлинов выглядит недостойно и жалко. Он даже и не пытался оспаривать голословные обвинения Янушкевича, которые, помимо болезненной шпиономании, отдавали антисемитизмом и садизмом²³. Мягкотелость

толкала Сухомлинова к гибели. Если бы он, вместо того чтобы потакать Янушкевичу и поносить своего бывшего протеже, занял твердую позицию и настоял на проведении беспристрастного, соблюдающего законность расследования (что было возможно, так как он все еще пользовался доверием государя), он мог спасти не только обвиняемого, но и свою собственную репутацию. И это могло предотвратить одну из вопиющих судебных ошибок в истории Первой мировой войны.

Влияние мясоедовского дела на общественное мнение было огромно, и Ставка учитывала это. Так, незадолго до суда Янушкевич писал Сухомлинову: «Дело Мясоедова будет, вероятно, ликвидировано окончательно в отношении его самого сегодня или завтра. Это необходимо ввиду полной доказательности его позорной измены, для успокоения общ. мнения до праздников»²⁴.

Ставке нужен был суд над изменником, чтобы изменой объяснить неудачи на фронте, и особенно поражение Десятой армии. Когда пришло сообщение о казни Мясоедова, стало уже известно, что армии не хватает оружия и боеприпасов, это и была главная причина отступления летом 1915 года. Личные отношения Мясоедова и военного министра были широко известны, поэтому в сознании общества легко могла укорениться мысль, что нехватка оружия объясняется кознями немецких шпионов, которые окружили министра и, очевидно, используют его как орудие своей деятельности. Положение Сухомлинова стало очень уязвимым, и тем не менее от министра земледелия Кривошеина потребовалось немало изворотливости, чтобы убедить государя избавиться от него. Тут, несомненно, сыграла свою роль поддержка, оказанная Кривошеину великим князем Николаем Николаевичем, который всегда терпеть не мог Сухомлинова и презирал его. 12 июня 1915 года Николай II написал личное, сердечное письмо Сухомлинову, освобождая его от должности и выражая уверенность, что «беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

¹ А.И. Спиридович. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960–1962, том 1, стр. 103. — Эти посмертно изданные мемуары бывшего жандармского офицера, летописца русского революционного движения, содержат много нового материала.

² Капитан Бучинский, подписавший свои воспоминания «Б---й». См. АРР, XIV, стр. 132–147.

³ «Красный Архив», XXVI.

⁴ «Красный Архив», III, 1923, стр. 29–74.

⁵ Грузенберг. Вчера. Париж, 1938, стр. 51–66.

⁶ В. Сухомлинов. Воспоминания. Русское Универсальное издательство, Берлин, 1924.

⁷ V.N. Kokovtsov. Out of my Past. Oxford University Press, 1935, p. 310.

⁸ А.И. Спиридович, ук. соч., том 1, стр. 103–110.

⁹ Geheime Mдchte. Internationale Spionage und ihre Bekдpfung im Weltkriege und heute. Leipzig, 1925, стр. 19.

¹⁰ Spies Break Through. London, 1934, p. 7.

¹¹ О.Г. Фрейнат. Правда о деле Мясоедова и других. Вильна, 1918.

¹² «Последние новости». Август и сентябрь 1936 года.

¹³ О деле Мясоедова несколько раз упоминалось в художественной литературе. Например, довольно точный перечень фактов дается в книге: Josef Mackiewicz. Sprawa polkownika Miasojedowa. London, 1962. Романизованная форма не помешала автору прийти к тем же заключениям, что и те, которые приводятся в настоящей книге на основании цитируемых источников.

¹⁴ Сухомлинов, ук. соч., стр. 234.

¹⁵ Спиридович, ук. соч., стр. 105; Фрейнат, ук. соч., стр. 20 и далее.

¹⁶ Письмо Янушкевича Сухомлинову от 19 марта приводится на стр. 143.

¹⁷ М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть советам. М., 1957, стр. 55. — См. также гл. 5.

¹⁸ Дистергоф, следивший за Мясоедовым до ареста, был свидетелем на суде и сказал Бучинскому, что у него нет прямых доказательств контактов Мясоедова с врагом. Кроме того, арест произошел в квартире Мясоедова в Ковно, а не на ферме.

¹⁹ М.Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 65.

²⁰ Интересное освещение деятельности Бонч-Бруевича дает то обстоятельство, что в продолжение всего этого времени он поддерживал связь со своим братом Владимиром. Находясь в Швейцарии, Ленин получал секретные сведения относительно армий Северного фронта именно тогда, когда Бонч-Бруевич был начальником штаба генерала Рузского. Некоторые секретные документы за подписью Бонч-Бруевича и Рузского были опубликованы Лениным и Зиновьевым в Швейцарии в большевистском журнале «Сборник Социал-Демократа». Вероятно, материал был послан Ленину через контролируемую немцами организацию Кескюлы.

²¹ В. Pares. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939, p. 213.

²² Грузенберг, ук. соч., стр. 64 и далее.

²³ Например, когда Янушкевич обещал дальнейшее развитие дела Мясоедова и безжалостное преследование немецких агентов, главным образом евреев, которые, по его утверждению, занимаются шпионажем и саботажем. См. «Красный Архив», III, 1928. См. также главу 4 настоящей книги.

²⁴ «Красный Архив», III, стр. 44. Оценка впечатления, которое должно было, по мнению Янушкевича, произвести объявление о казни Мясоедова, была одним из наиболее серьезных просчетов, допущенных им во время войны. Общая ошеломленность этим событием до сих пор не изгладилась из памяти. Петербургский комитет большевиков не замедлил воспользоваться случаем и выпустил специальную листовку. По словам Шляпникова, в листовке говорилось: «Товарищи рабочие и солдаты! Преступление русского правительства обнаружено: оно бросило вызов правительствам Германии и Австрии, готовясь тем временем предать русский народ». (Накануне 1917 года. Москва, 1920, стр. 153).

²⁵ Это письмо цитируется Сухомлиновым в его воспоминаниях, ук. соч., стр. 328.